

Думинская Марина Викторовна

доктор философских наук, доцент,
профессор кафедры социально-экономического
образования и философии
Сургутского государственного
педагогического университета

ФЕНОМЕН РЕФЛЕКСИИ В КОНТЕКСТЕ ОНТОЛОГИЧЕСКОГО РАССМОТРЕНИЯ

Аннотация:

В статье раскрывается особенность целостно-онтологического подхода к постижению рефлексии. Она рассматривается как модальный объект, мыслится процессуально в общей динамике осуществления бытия. Обосновывается значимость проведения аналитики многообразия структурных компонентов рефлексии как целого, установления особенностей их взаимодействия, а также влияния модусообразующего начала рефлексии на бытие человека. Показано, что проблематика рефлексии неразрывно связана с онтологией жизни человека и феноменом экзистенциального свершения. Специфика модусов рефлексии исследуется в переходе от онтического уровня бытия к онтологическому. Выделена специфика неаутентичного и аутентичного проявления рефлексии. Сделан вывод, что онтологический статус и характер рефлексии меняются в зависимости от специфики ее проявления на фундаментальных уровнях существования человека. Рефлексия актуализирует механизм трансцендирования, раздвигая границы онтологического осуществления личности.

Ключевые слова:

рефлексия, целостно-онтологический подход, модусы рефлексии, процессуальность рефлексии, онтический модус рефлексии, онтологический модус рефлексии, экзистенциальное свершение.

Duminskaya Marina Viktorovna

D.Phil, Associate Professor, Professor,
Socio-Economic Education and
Philosophy Department,
Surgut State Pedagogical University

PHENOMENON OF REFLECTION IN THE CONTEXT OF ONTOLOGICAL CONSIDERATION

Summary:

The peculiarity of the holistic-ontological approach is revealed in the article. Reflection is viewed as a modal object, as a process that takes place in the general dynamics of Being. The significance of the analysis of the diversity of the structural components of reflection as a whole, establishing the features of their interaction, as well as the influence of the modus-forming beginning of reflection on human being. The connection of the problem of reflection with the ontology of human life and the phenomenon of existential accomplishment is shown. The specificity of modes of reflection is considered as a transition from ontic to ontological levels of being. Moreover, the specificity of inauthentic and authentic manifestation of reflection is highlighted. It is concluded that the ontological status and nature of reflection changes depending on the specifics of its manifestation at the fundamental levels of human existence. Reflection actualizes the transcending mechanism, pushing the boundaries of the ontological implementation of the personality.

Keywords:

reflection, holistic-ontological approach, modes of reflection, procedural reflection, ontic mode of reflection, ontological mode of reflection, existential fulfillment.

Формирование и осмысление проблематики рефлексии имеет многовековую традицию в истории философской мысли, а также выступает предметом изучения в различных областях научного познания, связанных с вопросами развития мышления, сознания и деятельности, с процессами порождения новых смыслов, их объективацией и функционированием, с прояснением специфики методологических знаний, механизмов и технологий их воспроизведения и т. д. На современном этапе исследовательский интерес к ее анализу не только не утрачивает актуальности, но и, напротив, выходит на уровень междисциплинарного познания, оказываясь в фокусе внимания научного сообщества. Это обусловлено как сложностью природы самого феномена рефлексии, так и фундаментальной значимостью и эвристической ценностью его оценки для развития дисциплинарных и междисциплинарных областей познания, в которых открываются новые проблемные аспекты и векторы научных изысканий, требующие постановки новых задач и разработки специальных подходов к их решению.

Этимологически понятие «рефлексия» происходит от лат. reflexio – обращение назад к основанию, отражение; префикс ge- означает повторность, обратность действия, flexio – сгибание, искривление, изменение при переходе в иное или в отношении с другим [1]. В философской традиции наработан большой спектр определений и трактовок рефлексии, в которых зачастую ставится акцент на одной из значимых сторон ее возможного рассмотрения. Содержательный анализ дефиниций позволяет в обобщенном виде свести суть ее понимания к следующему: во-первых, рефлексия в широком плане трактуется как мыслительная деятельность, направленная на осмысление собственных мыслей, действий, поступков, образа своего «я», способах своего по-

знания и т. д.; во-вторых, эта деятельность выступает внутренним механизмом развития различных видов мышления (теоретического, критического, диалогического, дискурсивного и др.); в-третьих, такая деятельность является актом самосознания, самопознания и одновременно с этим толкуется как акт духовного самоосуществления человека.

Вслед за многообразием определений рефлексии в философской и научной литературе представлен большой спектр ее видов (элементарная, абсолютная, абстрактная, теоретическая, практическая, экстра- и интровертная, критическая, философская, научно-теоретическая, научная, творческая, художественная, бессознательная, психологическая, педагогическая и др.), суть различия которых, как представляется, состоит, во-первых, в выявлении ее направленности на предмет осмысления; во-вторых, в фиксации характерных признаков и принципов осуществления. Каждый из этих видов рефлексии в различных областях научного познания (философии, лингвистике, педагогике, психологии, науковедении, логике и др.) становится предметом отдельного рассмотрения, в результате которого предлагается одна из версий концептуального отражения определенных свойств и механизмов осуществления рефлексии. Такое разнообразие видов и форм рефлексии указывает на то, что это сложноструктурированный и многомерный феномен, требующий особого подхода к его постижению. Для того чтобы конституировать тот или иной концепт рефлексии, необходимо задать ракурс ее постижения, выбрать и установить исходную точку, изнутри которой будет разворачиваться один из вариантов понимания исследуемого феномена. В результате рефлексия как объект анализа предстает в различных формах репрезентации сквозь призму разных подходов к ее осмыслению: гносеологического, методологического, онтологического, феноменологического, телеологического, эвристического, педагогического, психологического и др.

В данной работе предпринимается попытка раскрыть один из вариантов представленности рефлексии, взятой в онтологическом плане рассмотрения.

Следует отметить, что предпосылки онтологического понимания рефлексии формировались еще в космологических, натурфилософских и этических воззрениях первых античных мыслителей, которые свидетельствуют о зарождении рефлексии и усматривают ее сущность в способности абсолютного разума править становлением и преобразованием целостного космоса, Вселенной. Так, согласно Анаксагору, Ум приводит покоящуюся бесформенную материю к вращательному движению, изгибая и изменяя ее в направлении заданной цели космогенеза. В нравоучительных изречениях Фалеса звучит мысль об онтологической значимости сознания: «Быстрее всего – ум, ибо он обегает все»; «Мудрее всего – время, ибо оно раскрывает все» [2, с. 13]. Логос, Слово, Разум в учении Гераклита поддерживают мировой порядок, устанавливая всеобщие законы, а стремление человека к мудрости выражается в степени адекватного постижения всеобщего начала [3, с. 279]. Вместе с этим в Античности возникают идеи о рефлексии как внутренним механизмом осуществления целостности бытия человека и его самоопределении в Бытии. Логическое обоснование данные трактовки получают в представлениях Аристотеля об Уме-перводвигателе, концепции абсолютной рефлексии, в которой ее онтологическая трактовка обогащается гносеологическим, телеологическим смыслом.

В истории развития философской мысли наиболее распространенным в исследовании рефлексии выступает гносеологический подход. В его рамках на первый план выходит понимание рефлексии как принципа мышления, направленного на осмысление собственных форм, методов, содержания и результатов познания. В центре внимания оказываются сам рефлексивный процесс и его результат – рефлексивное знание. Гносеологический аспект проблемы рефлексии находит выражение в призыве Сократа к самопознанию, обращению человека к своему внутреннему миру, усмотрению и исправлению тех искажений, которые претерпевает идеальная душа, заключенная в тело. Основной и специфический круг проблем, связанных с гносеологической трактовкой рефлексии, начинает складываться уже в Новое время и максимально отчетливо выражается в рамках философии Ф. Бэкона, выдвигающего требование критического рассмотрения природы познания и обоснования научного знания; во введенном Р. Декартом понятии рефлексии, определяющим ее как «второе восприятие» того, что не ощущалось ранее, но относящееся к разуму; в полемике Дж. Локка и Г. Лейбница, раскрытии сущности рефлексии Д. Юма.

Существенные онтологические сдвиги в постижении рефлексии осуществлены в немецкой классической философии И. Кантом, который ввел понятие трансцендентальной рефлексии, определив ее отношение к трансцендентальной сфере познания. Рефлексия понимается как действие, посредством которого устанавливается связь представлений и познавательной силы, становится возможным сравнение представлений, принадлежащих к чистому или чувственному созерцанию. Это состояние максимальной концентрации сознания на самом себе, побуждающее состояние души к открытию субъективных условий, при которых можно добраться до понятий через априорные формы познания [4, с. 314]. Мыслитель подчеркивает укорененность рефлексии

сии в онтологической структуре всеобщего субъекта, требующей внутренних усилий для ее активизации. В философской системе Г. Гегеля рефлексия выступает ключевой категорией в становлении человека, в то время как познание (гносеологический аспект) является одним из этапов в его развитии [5, с. 218]. Особое значение имеет постановка онтологического вопроса М. Хайдеггером в истолковании рефлексии как «вслушивание», «внимание» к истине бытия человека, проясляющего заботу о собственном бытии [6].

Представляется, что на современном этапе развития философской мысли большого внимания заслуживает целостно-онтологический подход, который позволяет с учетом многомерности и сложности данного феномена выйти за рамки его трактования в границах определенного аспекта, подхода или контекста. Значимость онтологического подхода в рамках современных исследований отмечает А.С. Шаров, который в ходе рассуждений о природе рефлексии приходит к мысли, «что подлинное понимание существа рефлексии лежит в ее онтологии, как в том универсальном основании, на базе которого только и возможно целостное понимание и развитие рефлексии» [7, с. 113].

В чем состоит специфика целостно-онтологического подхода к осмыслению рефлексии? Ответ на этот вопрос позволит зафиксировать ряд существенных установок, на основе которых разворачивается ход дальнейших размышлений. Указанный подход дает возможность рассматривать объект исследования как уникальное целостное образование, чьи структурные элементы определяют онтологическое своеобразие его специфических свойств, состояний и отношений. В рамках данного подхода значим не только системно-структурный анализ, выделяющий компоненты системы, выявляющий специфику их взаимодействий как на внутреннем уровне, так и на внешнем, но и модальный анализ. Модальная установка нацеливает на установление в модальном объекте отдельных модусов, областей, проекций, форм, образов (не только как данных в действительности, но и как возможных) в составе самотождественного целого. Рефлексия выступает модусообразующим началом, которое мыслится как нечто целостное, единое. «Модусы – это не состояния одного и того же объекта в разные периоды его существования, а тождественно-различные формы его реализации. Ни один модус не исключает других, модусы логически и темпорально одновременны друг другу» [8, с. 218]. Сущность модусообразующего начала раскрывается через описание модусов и модальных проекций его развертывания. В итоге может возникать целый спектр модусов реализации форм общего начала – модального измерения, которое вбирает все многообразие своей целостности.

В данном русле рассмотрения также имеет значимость трансцендентально-феноменологический подход, усиливающий эвристические возможности целостно-онтологического подхода, поскольку задает в постижении объекта особый вектор направленности – в сферу так называемого «возможностного видения», позволяющего прорабатывать альтернативные представления, которые дополняют и обогащают существующие концепции. Сквозь призму «возможностного видения» постигаемое предстает и репрезентируется не как ставшее, осуществленное, а как процессуальность, улавливаемая в событиях своего перехода от одного состояния к другому. Причем связь между этими состояниями прослеживается не в линейной однонаправленной перспективе перехода от одной точки к другой, а в множественности траекторий осуществления, что расширяет возможности выхода к целостному постижению феномена.

Вхождение в сферу онтологической проблематики рефлексии может начинаться с вопрошания о том, каковы ее онтологические основания, в чем заключаются природа рефлексии и сущностное содержание, каковы структурные компоненты и уровни ее осуществления. Этот круг вопросов раскрывает структурно-содержательный аспект рефлексии. Далее по мере углубления в суть проблемы открывается спектр вопросов, имеющих отношение к прояснению специфики ее процессуального осуществления: каков механизм порождения и протекания рефлексии; какие изменения производит этот процесс на онтологических уровнях человеческой жизни; какие события могут являться свидетельством того, что акт рефлексии состоялся в подлинном онтологическом смысле; что значит выйти в сферу подлинной рефлексии и т. д. Такая постановка вопросов смещает фокус внимания с проблемы определения сущности и методов осуществления рефлексивного мышления как способа познавательной деятельности в сферу экзистенциальной и герменевтической онтологии. Это значит, что в структуру целостно-онтологического подхода в данном случае включаются экзистенциальный и герменевтический подходы.

Итак, на основе сказанного можно зафиксировать ряд положений в отношении постижения рефлексии с позиции целостно-онтологического подхода. 1. Специфика сущностной, смысловой нагруженности рефлексии постигается сквозь призму понимания целостности как фундаментального онтологического основания. Исходя из этого, рефлексия мыслится как целостное, системное единство, обуславливающее взаимодействие всех уровней, способов своего осуществления как

структурных компонентов, модусов проявления целого. 2. Рефлексия рассматривается как модальный объект. Это значит, что она не сводима ни к какому-либо отдельному компоненту, уровню, форме, модусу (как не сводима часть к целому), ни к какому-либо варианту их совокупности. 3. Рефлексия, мыслимая в целостности своих структурных и модальных проявлений, является частью целого (макромира) – онтологического измерения человека или Бытия – и особым образом его активизирует и преобразует. Иными словами, рефлексия может быть понята лишь взятая как частное в отношении к общему целому, в котором оно непосредственно обнаруживается и является уникальным средством, способом онтологического обнаружения и становления этой общей целостности – бытия человека. 4. Рефлексия, внедренная в сущностную структуру человеческого бытия, определяет специфику его осуществления, сущностного преобразования, актуализирует возможность перехода на новый уровень качественного изменения – переход в модус экзистенциального свершения личности.

Далее, придерживаясь установки онтологического осмысления рефлексии, предпринята попытка ее рассмотрения в контексте экзистенциальной проблематики соотношения «подлинного» и «неподлинного» бытия человека. В каких модусах раскрывается рефлексия в переходе от неаутентичного способа существования человека к аутентичному?

Онтологический статус эмпирического существования зачастую характеризуется как низший, дорефлективный, «несобственный» (М. Хайдеггер) уровень бытия человека. Наличное бытие рассматривается как модус бытия факта, вещного мира. «Здесьшний» человек реализует первичные, физиологические, гедонистические, утилитарные формы отношения с миром, создает вокруг себя и для себя вещный мир, удовлетворяющий собственным представлениям о комфортной и безопасной жизни. Он не озабочен проблемой обретения онтологической основы внутри себя, а погружен в процесс самоидентификации с миром вещественности. Поглощение этим миром воспринимается им как данность и естественный порядок повседневной жизни, который все-таки требует с его стороны вмешательства и упорядочивания в соответствии возникающими потребностями и желаниями, удовлетворение которых позволяют каким-то образом самоутвердиться в данном режиме бытия.

В связи с этим вполне правомерен вопрос – можно ли говорить о каком-либо модусе проявления рефлексии на уровне «неаутентичного», «несобственного» способа бытия человека? Поиски ответа на него вывели к гегелевской идеи об укорененности рефлексии в становлении человека в рамках конституирования общей картины развития духа [9] и далее за пределы ее философского анализа в более широкий общенаучный контекст, поскольку инициирован вопрос о присутствии неких элементарных форм рефлексии в жизни живых организмов. В частности, в психологии в русле регулятивного подхода рефлексия стала рассматриваться в качестве базового свойства психики человека, предметом исследования выступили этапы ее развития в фило- и онтогенезе. Так, Г.А. Голицын приходит к утверждению, что рефлексия представляет собой «универсальный “прием” живой природы», который лежит в основе перехода на качественно новую ступень эволюционного развития. Рефлексия понимается как средство, благодаря которому на самом простом уровне жизни происходит качественный скачок в развитии живых систем [10]. В свою очередь, Н.Д. Гордеева и В.П. Зинченко усматривают проявление элементарных форм рефлексии в «живом движении» у младенцев – «операциональная» или «фоновая рефлексия», выражающаяся в способности ребенка соизмерять свои возможности в достижении желаемого с конкретной ситуацией [11]. В.А. Лефевр и Дж. Адамс-Веббер также указывают на врожденный характер рефлексии, имманентно встроенный в психику человека, именуя ее «быстрой рефлексией». Этот неконтролируемый сознанием информационный процессор способен быстро отражать перцепции поведения и одновременно с этим перцепции субъективного мира, порождая особый спектр человеческих реакций, например моделирование себя, как своих переживаний, так и переживаний других людей [12]. Содержательный анализ рефлексии позволил исследователям, работающим в области психологии, выделить и концептуально проработать ряд онтологических аспектов рефлексии, на основании которых можно прийти к утверждению об онтологической укорененности и проявлении рефлексивного начала на исходных уровнях и этапах развития человека.

Действительно, субъект на уровне повседневного существования оперирует представлениями, выработанными в обыденном сознании. Он сопоставляет свои желания, действия, мысли с эталоном, здравым смыслом, традицией, культурными образцами, налагаемыми запретами. Всматриваясь в свое «я», он обнаруживает себя прежде всего как желающего субъекта, который вынужден соизмерять потребности с возможностями их осуществления в определенной ситуации и на основе оценивания реальной перспективы достижения желаемого результата делать выбор, в соответствии с этим он действует и вновь, возвращается к себе – осознанию измененных состояний своего «я». При этом он стремится заявить о себе, позиционировать, выразить

себя в актах рефлексивно-эстетического самовыражения. Согласно Ж.-Ф. Лиотару, рефлексивное мышление получает выражение в эстетическом суждении, которое еще не осознается ни теоретическим, ни практическим разумом, но при этом свидетельствует о том, что мыслительный акт свершается. «Для мышления быть информированным о своем положении – значит чувствовать это состояние, быть аффицированным. <...> Такова первая характеристика рефлексии: ослепляющая непосредственность и полное совпадение субъекта и предмета чувств. <...> Чистая рефлексия является первой и самой главной способностью мышления быть немедленно информированным о своем состоянии за счет самого этого состояния при отсутствии каких-либо других средств измерения, кроме как самого чувства» [13]. Следовательно, в своем исходном своем проявлении рефлексия возвещает о себе в эстетическом чувстве. «Я» обнаруживает себя как изначально эмоционально-чувствующую личность, не безразличную к самому себе и миру.

Такой модус рефлексии можно определить как «онтический», поскольку он относится к исходной форме ее проявления, которая имеет квазирефлексивный, «неаутентичный», «несобственный» характер. В этом модусе рефлексия лишь пробуждается, т. е. еще не явлена в полноте своего подлинного рационального осуществления, но при этом имеет фундаментальное онтологическое значение – выступает точкой развертывания рефлексии как модусообразующего начала целого.

В качестве примера, иллюстрирующего данный тезис, следует обратиться к тому, как раскрывается идея развертывания рефлексии в теории анамнезиса, или «припоминания» (др.-греч. ἀνάμνησις), Платона. Согласно его представлениям, разумная часть души обращается к самой себе (возвращается в глубины памяти) в стремлении найти истинное знание – то, что она созерцала ранее в мире идей (творящим образам вещей), прежде чем воплотиться в человеческое тело. При этом источником пробуждения рефлексии-анамнезиса выступает чувственное восприятие мира. Рефлексия собирает в единство чувственную рассеянность мира, его влечений и удовольствий. Человек, будучи изначально погруженным в самообман, забвение и невежество, должен найти в себе силы для пробуждения и выхода из забвения собственного существования. Такой выход мыслитель видит в припоминании истины – способе рефлексивного возвращения к подлинным онтологическим основаниям. Этот исходный дорефлексивный шаг к истине – есть выход к утраченному, подлинному – интеллигибельной истине, лежащей в основе постижения мира чувственной данности бытия.

Символический образ «пещеры» является некой мифологической иллюстрацией действия рефлексии: отражение света от стены пещеры и его возвращение к началу, Абсолюту, Благу, «естеству». В процессе рефлексии человек проходит путь «второго рождения»: в биологическом плане это связано с припоминанием о собственном зачатии, с переживанием-возвращением к этому событию – выходу из неопределенности и обретению устойчивости. В духовном плане рефлексия переносит субъекта в пограничное состояние между прошлым и будущим, бытием и небытием. В этом рефлексивном просвете человек на какое-то мгновение восстанавливает связь с Абсолютом, вечностью, полнотой жизни, переживая событие «второго рождения». В учении Платона действие рефлексии как акта «второго рождения» связано переживанием, с одной стороны, таких экзистенциалов, как тоска, тревога, страх, томление, неопределенность, с другой – таких, как переход, пробуждение, освобождение [14].

Речь идет о возможности перехода посредством рефлексии с повседневного уровня бытия на метафизический. Однако это пробуждение из забвения может и не произойти, забывшееся бытие может не опомниться и впасть в вечный сон. В таком случае на повседневном уровне существования происходит растворение подлинного «я», что соответствует хайдеггеровскому «падению» личности в *Man* – в мир массы обезличенных, усредненных индивидов. Здесь человек становится одним из многих таких же, как и он, обрекающих себя на «забвение» в «несобственном» способе бытия. В экзистенциальной аналитике М. Хайдеггер утверждает, что, находясь в мире сущего, но при этом постоянно преодолевая его, можно достичь «собственного» бытия. Именно «несобственное» становится предпосылкой открытия метафизического (трансцендентного) измерения бытия для *Dasein* – «бытие-в-мире» [15, с. 136].

Принятие решения в пользу реализации той или иной жизненной установки определяет дальнейшую траекторию «присутственности» (М. Хайдеггер) в Бытии. Так, человек оказывается в ситуации выбора – занять позицию смиренного принятия ограниченности возможностей, предзаданных наличным существованием, продолжив путь инертного «прозябания» в суетливом потоке повседневной жизни, или избрать противоположный вектор осуществления – экзистенциального свершения [16, с. 88–90]. Принятие решения в пользу последнего есть рефлексивная установка для свершения события онтологического сдвига, активизирующего сценарий развития аутентичного человека [17, с. 83].

Рефлексия увлекает философствующую душу, изменяет вектор онтологического осуществления человека – удерживает человека на границе прошлого и будущего, бытия и небытия. Последующее осуществление рефлексии в онтологическом модусе представляет собой актуализацию теоретической, философской формы рефлексивного мышления, которая приобретает аутентичный характер и определяется как высший вид рефлексии. Рефлексивное мышление приобретает понятийно-рациональный, критический, дискурсивный, системный характер. Оно способно не только получать всеобщее знание о предмете, но и раскрывать его сущность, определять способы его получения, ставить проблему обоснования его истинности, а главное – обращать мысль на себя, осознавать себя (мышление) в качестве объекта, подвергать его анализу, извлекать о себе новое знание, постигать свою субъективность и критически переосмысливать реализуемые я-концепции, использовать этот сложный инструмент для постижения единства познания и бытия [18, с. 235].

Подлинную рефлексию Гегель называет светом, который «превращается в молнию мысли, ударяющую в самое себя и создающую, исходя отсюда, свой мир» [19, с. 146]. Иными словами, рефлексивное мышление разворачивается в направлении от себя и к себе, т. е. имеет экстравертный и интровертный характер. Речь здесь идет о таком сущностном свойстве рефлексии, как интенциональность. Рефлексия задает границы мыслительной активности субъекта по отношению как объекту, так и к самому себе, тем самым придает бытию определенность, действительное существование; устанавливает границы своего присутствия и постижения себя и мира. Прямая и обратная интенциональная активность определяют «я» и Другое, субъект и объект рефлексивного мышления. Граница имплицитно включена в структуру рефлексии, но она обладает способностью собирания, а не отрицания себя и Другого. Она связывает, устанавливает особый характер неразрывных взаимоотношений – быть вместе с собой, миром, Другим.

Таким образом, в онтологическом плане рассмотрения рефлексия предстает не как способ познания, а прежде всего как образ жизни человека, сообщающий нам о самих себе, раскрывающий смысл и ценность бытия собственного «я». Модусообразующий центр рефлексии, разворачивая, активизируя переход от онтического уровня бытия к онтологическому, актуализирует свою сущность в различных модусах осуществления. Реализация аутентичного рефлексивного мышления (философской рефлексии) согласовывает знание как о мире, так и о самом себе. Философская рефлексия не есть нечто данное или случайное стечение обстоятельств. Она порождается изнутри самой мысли, ее актуализация требует внутреннего толчка, проявления рациональной воли субъекта, силы рефлексивного мышления, раздвигающего границы целостного постижения Бытия. Разворачивание феноменальности рефлексивного существования «я» дает качественно новый импульс для экзистенциально-онтологического осуществления человека, актуализируя механизм трансцендирования в процессе онтологического свершения личности.

Исследование онтологических оснований, природы и специфики рефлексии в эпоху постнеклассической рациональности имеет эпистемологическую и эвристическую значимость для развития философского и научного познания. Полученные результаты могут быть использованы в спецкурсах по онтологии и теории познания, философской онтоантропологии, а также составить базу для разработки различных технологий (педагогических, социально-психологических, психолого-педагогических и др.), направленных на актуализацию и развитие аутентичной рефлексии, лежащей в основе не только познавательной, но и со-бытийной, со-творческой деятельности, мыслетворчества, экзистенциального осуществления человека, действующего в многомерном измерении бытия.

Ссылки:

1. Топольская Е.А. Философские взгляды на проблемы развития рефлексии // Педагогика искусства. 2013. № 3. С. 106–109.
2. Хачатрян А.А. Рефлексия как принцип философского мышления // Вестник Волгоградского государственного университета. 2003. № 3 (3). С. 13–23.
3. Антология мировой философии / под ред. В.С. Соколова и др. В 4 т. Т. 1, ч. 1. М., 1969. 579 с.
4. Кант И. Сочинения. В 6 т. Т. 3. М., 1964. 799 с.
5. Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. В 3 т. Т. 3. Философия духа. М., 1977. 471 с.
6. Хайдеггер М. Основные проблемы феноменологии. СПб., 2001. 446 с.
7. Шаров А.С. Ограниченный человек: значимость, активность, рефлексия : монография. Омск, 2000. 358 с.
8. Мёдова А.А. Онтология модальности : дис. ... д-ра филос. наук. Красноярск, 2016. 303 с.
9. Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. Т. 3.
10. Голицын Г.А. Рефлексия как фактор развития // Проблемы рефлексии : сборник статей. Новосибирск, 1987. С. 54–60.
11. Гордеева Н.Д., Зинченко В.П. Рефлексивное управление как условие осуществления движений и построения целесообразного действия // Рефлексивное управление : сборник материалов международного симпозиума. М., 2000. С. 31–38.
12. Лефевр В.А., Адамс-Веббер Дж. Функции быстрой рефлексии в биполярном выборе // Рефлексивные процессы и управление. 2001. Т. 1, № 1. С. 34–46.
13. Interview: Jean-François Lyotard // Diacritics. 1984. Vol. 14, no. 3. P. 15–21. <https://doi.org/10.2307/464841>.

14. Платон. Собрание сочинений. В 4 т. Т. 1. М., 1990. 860 с.
15. Хайдеггер М. Указ. соч. С. 136.
16. Думинская М.В. Онтология эстетического свершения личности : дис. ... д-ра филос. наук. Тюмень, 2017. 338 с.
17. Там же. С. 83.
18. Хачатрян А.А. О некоторых особенностях философской рефлексии // Ученые записки Казанской государственной академии ветеринарной медицины им. Н.Э. Баумана. 2015. Т. 221, № 1. С. 235–238.
19. Гегель Г.В.Ф. Лекции по истории философии. Кн. 1. СПб., 1993. 350 с.

Редактор: Тюлюкова Мария Олеговна
Переводчик: Кочетова Дарья Андреевна